

«Не могу прийти в себя! Как мы вам верили, Алла, как защищали от злых языков, радовались успехам, огорчались неудачам! Что же с вами случилось!» (О. Н., Саратов).

«Такое горькое разочарование, обида постигли нас после заметки о Г. Хазанове «И заслужил неуважение». Ведь нам так нравился этот артист, а теперь остался в душе неприятный осадок из-за недопустимого поведения Хазанова в воинской части, перед солдатами — нашими защитниками. Оно недостойно не только популярного артиста, но и просто человека». (14 подписей работников инструментального цеха Киевского завода реле и автоматики).

Строки из двух писем, а их за последние дни в редакционной почте множество. Больше всего — «о Пугачевой», поменьше — «о Хазанове», «о Ю. Антонове». Разные письма — гневные, жестокие, грустные, отчаянные. За многие годы работы в редакции почти не припомню подобной активности со стороны читателей.

Может быть, самой спецификой эстрадного искусства объясним тот «скандальный флер», которым чрезмерно часто окружены имена самых известных, самых популярных артистов. А это — опасно. Не так уж легко выдержать и с достоинством нести бремя популярности, проверку славой, всеобщим признанием, успехами. Ведь это, пожалуй, самый трудный экзамен для артиста — проверка его человеческого достоинства, широты художественных запросов, богатства духовного мира, культуры.

Печально, но не всегда и не всем на таком экзамене хватает выдержки, разума, умения взглянуть на себя как бы сторонним взглядом, оценивая собственные поступки. И тогда «заносит» от величия своей персоны, от губительной амбиции. И деятелю искусства чуть ли не начинает видаться нимб вокруг собственного чела. Где уж тут до самоконтроля!

Можно еще и еще находить доводы, чтобы объяснить «звездную хворь»: быстрее, чем в какой-либо другой области искусства, в эстраде становятся известными, популярными. Подчас одной-единственной радиопередачи или телевизионного показа хватает, чтобы привлечь внимание сотен и тысяч людей. Представители эстрадных жанров чаще других появляются в эфире, а такая видимая «легкость», возможно, «облегчает» отношение к миссии, к профессии артиста.

Раскованность, лихость поведения на сцене — разве это не приметы сегодняшней эстрады? Она часто строится, а точнее, держится на эпатаже аудитории, на приемах, «гарантирующих» мгновенную реакцию публики, активное включение ее в действие. Однако это ведь только номера, приемы, манера артиста. А вне стен зала? Или уж так органично входит исполнитель в роль, что и в жизни «переигрывает»? Но ведь мы знаем много талантливых исполнителей, которые не заражены «звездной болезнью» — гипертрофированными представлениями о характерной для эстрады свободе сценического поведения.

Естественно, каждый исполнитель вправе выбрать любую сценическую маску, амплуа, внешний облик, тот, в котором, по его разумению, наиболее полно раскрываются его даро-

вания. Подчеркиваю, сценическую маску. Кстати, многим, не приемлющим данную манеру, непременно хочется прочитать в образе, и достаточно вольно, личность самого артиста. Никогда не соглашусь: амплуа и истинное человеческое нутро нельзя смешивать, приводить к одному знаменателю.

Я видела Аллу Борисовну Пугачеву в самых разных программах, в разных залах, очень много беседовала с ней — дома, за кулисами, в гостиницах. Разная она бывает, не говорю по отношению ко мне, а к другим людям, к окружающим, к коллегам, к журналистам. Да, случается, что недостает ей выдержки, такта, бывают и горор, и капризы, и грубость. Но одного концерта, одного выступления на сцене Московского Художественного те-

атра было достаточно, чтобы убедиться: у этой певицы глубочайшая душевная щедрость, духовная красота — все, так далеко упрямое под привычным обликом освобожденной от условностей, развязной женщины. На том концерте благородство было в ней, и строгость, и удивительный талант трагедийной актрисы, о котором восторженно сказали Ангелина Степанова, Ирина Мирошниченко, Олег Ефремов, поздравляя Аллу Борисовну после концерта.

Да, можно по-разному относиться к Пугачевой — одни боготворят ее музыкальный и драматический талант, другие безоговорочно перечеркивают все. Неоднозначна и оценка актерской деятельности Геннадия Хазанова — кого-то он радует своим искусством, других озлобляет, активно устраивает против себя. Но ведь от признания редкого дарования обоих артистов нигде не денешься, и от того, что их имена известны всем — от детей до стариков. Не нужно доказывать, что им присуще стремление к постоянному творческому поиску, что они неумолимы в своем трудолюбии.

Тем горше услышать, что они ведут себя недостойно своего имени и таланта, тем печальнее, что они и оказываются порой в неприглядном виде. Нет спору, артист — натура взрывная, импульсивная. Без этого не было бы «нерва», делающего представление живым, волнующим, впечатляющим. И в жизни всегда сказываются эти черты. Допускаю, что порой достаточно одного нетактичного слова со стороны окружающих, не слишком вежливой интонации, выражающей непризнание данного авторитета, чтобы выбить артиста из колеи, спровоцировать его на шумную ответную реакцию. Однако так можно лишь объяснить природу скандала, но ни в коей мере не оправдать его.

Право же, странная психология складывается у некоторых деятелей эстрады: чем выше поднимаются они по ступеням славы, тем больше скидок и снисхождения ждут от окружающих. Появляются самолю-

бование, чувство вседозволенности. Они сыграли свою пагубную роль. А ведь сегодня никому не прощают ни зазнайства, ни кичливости, даже самым большим авторитетам. Не прощают зрители, не прощает пресса, хотя, правду сказать, поспешность газет, постаравшихся мгновенно обнародовать сногшибательную сенсацию о том, что «звезда» эстрады разбушевалась, показала мне по меньшей мере неуместной.

Вот что пишет об этом читательница из Москвы В. Перова: «Я не была свидетелем в гостинице «Прибалтийская», но, может быть, все гораздо проще. Возможно, Пугачеву не устроил номер по вполне обоснованной причине. Она попросила ее перевести. Пугачевой надменно ответили — а

такая надменность у работников гостиниц имеется. Повторяю, не для оправдания поступка «звезды» привела я эти строки, а чтобы хоть в какой-то мере объяснить ситуацию. Спору нет, моральный кодекс один для всех без исключения, нормы этики, правила поведения, принятые в обществе. И если они обязательны для рядового человека, то для людей, которые у всех на виду, которые знамениты не только на всю страну, но и далеко за ее пределами, эти нормы приобретают огромную принципиальную значимость.

Хочется напомнить законы актерской этики, сформулированные К. С. Станиславским: «С театром неразделимо слиты в представлении людей как... артистическая, так и частная жизнь... Поэтому, если артист... совершил предвзятый поступок, преступление, устроил скандал, то какие бы опровержения или объяснения ни печатал в газетах, он не сможет стереть пятна или тени, брошенной им на всю труппу, на весь театр. Это обязывает артиста с достоинством вести себя вне стен театра и оберегать его имя не только на подмостках, но и в своей частной жизни».

Мудрые и взволнованные слова корифея отечественного искусства. Это не назидание потомкам, не нотация «заблудшим» и нарушающим законы этики. Их захотелось напомнить, чтобы показать, насколько высоко ценилась миссия артиста, какими оградительными мерами сохранялась чистота высокого звания Артист. Почему же мы порой утрачиваем эти представления, эти критерии? Почему так редко вспоминаем, что театральная сцена, равно и эстрадная, — школа жизни? И, поднявшись на эстраду, артист просвещает, учит, воспитывает.

На сцене — артист. И пусть каждый раз каждый присутствующий в зале будет уверен: встреча с ним — это встреча с настоящим искусством, с художником, сохраняющим чистоту своего таланта.

М. ИГНАТЬЕВА.

Восхождение... к скандалу?